

Семантическая деривация на базе онимов (в большинстве случаев называемая «апеллятивацией» или «деонимизацией») приводит к образованию как лексико-семантических вариантов, так и отделению самостоятельных лексем. Это также источник интересного и запоминающегося иллюстративного материала, обеспечивающего эффективное усвоение теории по темам «Полисемия» и «Омонимия».

Реализация и динамика значений слов находится под влиянием системы социокультурных, психологических и внутриязыковых факторов. Успешным результатом обучения лексикологии и семасиологии можно признать, в частности, понимание студентами того, что отклонения от словарной дефиниции или грамматического статуса – это естественное развитие заложенного в системе языка потенциала слов. Одной из движущих сил саморазвития языка является борьба языковых антиномий, прежде всего между узусом и возможностями языковой системы. Это противоречие ярко проявляется в функционировании ономастических единиц, благодаря чему использование дидактических возможностей имени собственного ценно для обеспечения мотивационной и методологической функций учебного процесса.

Литература

1. Карпенко, Ю. А. Специфика ономастики / Ю. А. Карпенко // Русская ономастика : сб. науч. тр. / Одес. гос. ун-т ; отв. ред. Ю. А. Карпенко. – Одесса, 1984. – С. 3–16.
2. Мадиева, Г. Б. Теория и практика ономастики : Учебное пособие / Г. Б. Мадиева, В. И. Супрун. – Алматы: Қазақ университеті; Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. – 199 с.
3. Суперанская, А. В. Имя и эпоха (к постановке проблемы) / А. В. Суперанская // Историческая ономастика. – М. : Наука, 1977. – С. 7–26.
4. Топоров, В. Н. Некоторые соображения в связи с построением теоретической топономастики / В. Н. Топоров // Принципы топонимики. – М. : Наука, 1964. – С. 3–17.
5. Харченко, В. К. Функции метафоры / В. К. Харченко. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1991. – 88 с.
6. Шапошников, В. Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении / В. Н. Шапошников. – М. : МАПП, 1998. – 243 с.
7. Gardiner, A. The Theory of Proper Names / A. Gardiner. – London : Oxford University Press, 1954. – 174 p.

А.А. Романовская

Минский государственный лингвистический университет
e-mail: Alla_Rom@tut.by

УДК 811.161.1'37(0,43.3)

АНТИЧНЫЙ СИМВОЛ – КОММУНИКАТИВНЫЙ ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК

Ключевые слова: *античный символ, коммуникативный знак, конденсационность содержания, диспонибельность.*

Статья посвящена античным символам – языковым знакам вторичной номинации. Сущность античного символа как особого языкового знака – указывать на большее, чем есть он сам, на основе конденсационности его означаемого, которое устанавливается посредством референции символа к мифу как тексту. Знаки античной культуры постоянно находятся в нашем распоряжении и готовы появиться при первой же необходимости, чтобы занять свое место в речи, в чем заключается суть диспонибельности как важной особенности символа, доказывающей силу его коммуникативности.

ANTIQUÉ ELEMENTS LINGUISTIC DIVISIONS OF THE WORLD IN THE WORLD VIEW

Key words: *the ancient symbol, communication sign, condensational content, disponibility.*

The article is devoted to ancient symbols language signs of secondary nomination. The essence of the ancient symbol as a special sign language to indicate more than he himself, on the basis of condensational it signified, which is established through references of symbol to myth as the text. The signs of ancient culture are constantly in our possession and ready to appear when needed to take their place in speech, what is the essence of disponibility as essential features of the character, proving the power of his communicativeness.

1. Термин *символ* имеет в определенном смысле два значения. Знаки системы естественного языка в теории Ф. де Соссюра – это знаки-символы, если исходить из понимания символа в терминологии Ч. С. Пирса. Однако для Ф. де Соссюра, чьи взгляды относительно символа отличаются от взглядов Ч. С. Пирса, данный знак представляет собой, во-первых, мотивированное обозначение. Во-вторых (и это особенно важно), ученый, исходя из строгого критерия конвенциональности и денотативности знака, выводит символ за пределы лингвистики в силу коннотативной ориентированности и наличия мотивированности. Символ (по Ф. де Соссюру) – обозначение какого-то предмета при помощи указания на другой предмет, который приобретает аллегорическое значение (весы как обозначение справедливости). Что же касается знака-символа в теории Ч. С. Пирса, то для знаковой структуры характерно отсутствие какой-либо действительной связи между означающим и означаемым, то есть знак-символ лишен референтной мотивированности. Символ (с точки зрения Ч. С. Пирса) – это знак, у которого нет объективной связи с обозначаемыми предметами. Значение знака чисто условное. Это факт договора между людьми. Таким образом, понятие символа (по Пирсу) соответствует понятию языкового знака (по Соссюру), а соссюровский символ соотносится с иконическим знаком Пирса.

Античный символ – это особый языковой знак, представляющий единство определенного мифологического содержания (означаемого) и его иконического отражения в форме вербально выраженного означающего; означающее символа – наименование мифологической реалии; означаемое репрезентирует понятие, основанное на образе и выявляемое посредством метафоры на основе мифа. Таким образом, античный символ рассматривается нами как языковой знак, план содержания которого имеет двойственную природу (с одной стороны, символ отражает и конструирует миф / мифологическое содержание, а с другой – образ его иконы / иконическое содержание). В этой связи он обладает рядом лингвистических характеристик, актуализующих данное единство, в том числе: метафоричность (идущая от мифа) и образность (идущая от иконы), диспонибельность / готовность к употреблению (от мифа) и мотивированность (от иконы), конденсационность содержания (идущая от мифа) и языковая знаковость (от иконы).

2. Вопрос о коммуникативности символа актуализируется при его рассмотрении как языкового знака вторичной номинации. Чувственная (идейная) образность приобретает конкретность в результате отождествления символизирующего и символизируемого, когда встречаются означающее и означаемое. Означающее мотивировано по отношению к означаемому, с которым у него устанавливается естественная связь.

Так, в античной мифологии *Клития* символизирует безответную любовь: *влюбившись в Гелиоса, но не добившись взаимности, впала в безумие, отказалась от воды и пищи и не могла оторвать взора от возлюбленного, поворачивая голову вслед за дви-*

гавшимся по небосклону солнцем. Она приросла к земле и превратилась в гелиотроп – цветок, который постоянно поворачивает венчик вслед за солнцем. Клития является символом мести: из-за ревности убивает свою сестру, ради которой бог-солнце Аполлон покинул в любви Клитию [4, 439].

Единорог – символ чистоты и девственности. Это животное в древнегреческой традиции рассматривается как реально существующий зверь, который *силой своего рога может очистить все, к чему он прикасается; его может приручить только девственница* [2, 429]. В символах *Клития*, *Единорог* идейная образность приобретает конкретность в результате отождествления символизирующего и символизируемого.

Обе стороны языкового знака подчиняются общему закону асимметрии в языке. Сущность античного символа как особого языкового знака – указывать на большее, чем есть он сам, на основе конденсационности его означаемого, которое устанавливается посредством референции символа к мифу как тексту.

Именно символ выражает ощущение запредельности, уводит за пределы реальности благодаря энергии сжатого содержания. Такую функцию символа мы называем, следуя за Э. Сепиром, конденсационной. Конденсационными символами называются потому, что в них осуществляется единение и аккумуляция человеческого опыта, разных сторон жизни одновременно, синтезированы представления о мире в его земном, подземном, небесном существовании. Э. Сепир называет конденсационный символизм сжатой (*condensed*) формой заместительного поведения, которая используется для прямого выражения чего-нибудь и позволяет полностью снять эмоциональное напряжение в сознательной и бессознательной форме [3, 205].

В античном символе как конденсационном по содержанию, архаическом знаке осуществляется аккумуляция человеческого опыта, единение представлений о мире. Мифологическое имя становится символом в силу проникновения в его означаемое глубинного, широкого, сконденсированного содержания. Мифопоэтическое содержание, в сжатом виде наполняющее мифологическое имя, превращает это имя в символ. Особенностью античного символа является то, что таковым становится мифологический вербальный знак, обозначающий объект, персону мифа (действующее лицо) как реалию, наделенную символической функцией, то есть функция символического типа содержится в самой реалии. Функции реалии древнегреческого мифа формируют значение символа как элемента культурного кода, представленного в языке вербальным знаком. Символ *Одиссей* ассоциативно замещает идею героизма, силы, ловкости, ума, дружбы, богоборчества, разрушения, хитрости, заключенную в образном понятии.

3. В качестве символов не рассматриваются мифологические ипостаси, образы которых принимают на себя символические персонажи. Ипостась *ὑπόστασις* понимается как существо (сущность), близко, тесно примыкающее к кому-, чему-либо другому. Ипостасями являются обозначения животных, птиц, существ, названия растений, предметов, в мифологическом значении которых отражены функции и качества самих символических персонажей: *‘бык’ – Зевс; ‘олень’ – Актеон; ‘паук’ – Арахна; ‘собака’ – Гекуба; ‘лебедь’ – Кикн; ‘соловей’ – Прокна; ‘тростник’ – Сиринга; ‘гелиотроп’ – Клития* и др.

Не имеют символического прочтения обозначения мифологических атрибутов символических персонажей: *козлиная шкура* – атрибут *Диониса*; *трезубец* – атрибут *Посейдона*; *эгида* – атрибут *Афины*; *кифара* – атрибут *Аполлона* и др. Атрибуты – это функциональные и атрибутивные рудименты, которые сопутствуют символическому персонажу, указывая на его происхождение, на связь с животным и растительным миром.

4. Символы, связанные с античной культурой, во многом имеют специфический характер. Это архаические знаки в смысле осознания далеких эпох. Античные символы в малой степени отвечают потребностям повседневного общения, имеют ограниченное употребление. Можно прочитать роман и не найти ни одного упоминания об античности. И ес-

ли посмотреть на проблему через параметры частотности, то в словаре частотности русского языка примеров, связанных с греческой древностью, обнаружено не будет.

Однако любой зал живописи XIX в. изобилует фактами чрезвычайного богатства, чрезвычайной распространенности – высокой частотности античности, но в определенном жанре, в определенной части дискурса культуры. Этот дискурс, этот жанр без античной символики невозможен, как и невозможно представить себе некоторые художественные произведения в современной лингвистической парадигме теории дискурса, теории жанровой разновидности языка.

Частотность явлений очень важна, но еще важнее понятие *диспонибельности*, объясняющее, разъясняющее понятие *частотности*. Не частотность является положительной характеристикой символа. Данная характеристика заключается в том, что знаки античной культуры постоянно находятся в нашем распоряжении и готовы появиться при первой же необходимости, чтобы занять свое место в речи. Мы обращаемся к концепции лексической диспонибельности (*disponibilité* – наличность, или резервность), предложенной французскими лингвистами в 60-е годы XX в. в ходе работы над «*Le Français fondamental*» ‘«Словарем основной лексики французского языка»’ [5].

Согласно Г. Гугенейму, диспонибельность соотносится с резервностью, наличием в сознании говорящих таких языковых единиц, которые, вне зависимости от их частотности, характеризуются готовностью к употреблению всякий раз, когда в них возникает необходимость. При этом уровень диспонибельности не является постоянной величиной. Он может быть высоким, низким, нулевым. Определяется уровень диспонибельности конкретными интересами говорящего и слабо или совсем не взаимосвязан с частотностью [1, 304–305] (подчеркнуто мной – А. Р.). Уровень диспонибельности определяет место символа в языковом сознании. Есть символы, которые не освоены языком. У них, как правило, нулевой уровень (измерение) диспонибельности. При отсутствии такой характеристики, как частотность, у античного символа может быть высокий уровень диспонибельности. Важная особенность символа, состоящая в диспонибельности, доказывает силу его коммуникативности, является условием коммуникативности символа.

Таким образом, мы учитываем диспонибельность, а не частотность в качестве характеристики символа как коммуникативного знака. В соответствии с данной теорией, которой придается семиотический смысл, актуализация античных образов и ассоциаций непременно осуществляется там, где протекает активное культурное общение современного человека. Знаки античной культуры постоянно находятся в нашем распоряжении и готовы появиться при первой же необходимости, чтобы занять свое место в речи. Концентрация содержания символа – главная его особенность. Этим символ отличается от слова, но является знаком, означаемое и означающее которого находятся в асимметричных отношениях.

Литература

1. Гугенейм, Г. Некоторые выводы статистики словаря / Г. Гугенейм // Методика преподавания иностр. языков за рубежом. – М. : Прогресс, 1967. – С. 299–305.
2. Иванов, В. В. Единорог / В. В. Иванов // Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. – М. : Большая Рос. энцикл., 2003. – Т. 1. – С. 429–430.
3. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир ; общ. ред., вступ. ст. А. Е. Кибрика. – М. : Издат. группа «Прогресс», 2001. – 656 с.
4. Холл, Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Дж. Холл ; пер. с англ. А. Майкапара. – М. : ООО «Изд-во АТС» ; ООО «Транзиткнига», 2004. – 655 с.
5. L'élaboration du français fondamental. Etude sur l'établissement d'un vocabulaire et d'une grammaire de base / G. Gougenheim [et al.]. – Paris : Didier, 1964. – 302 p.